

ЖУРНАЛИСТИКА И ПЕРЕСТРОЙКА

И. М. Дзялошинский

ЖУРНАЛИСТСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Современная общественно-политическая и социокультурная ситуация в советском обществе характеризуется коренными преобразованиями в содержании многих фундаментальных представлений, идей и образов, определяющих понимание, оценку и объяснение различных социальных процессов, а также поиск нетривиальных способов решения проблем, возникающих в ходе развития общества в целом и различных его подсистем. Этот процесс отмечен появлением такого понятия, как «новое мышление»¹. Одновременно стали активно употребляться словосочетания «новое политическое сознание», «новое философское мышление», «новое экономическое мышление» и т. п.²

В журналистике, выступившей мощным средством перестройки общественной практики и общественного сознания, также отчетливо сформулировано положение о том, что без смены складывавшихся десятилетиями интеллектуальных установок и профессиональных стереотипов невозможно значительное повышение качества журналистской деятельности³.

Разумеется, мышление журналиста и публициста исследовалось и в прошлые годы. В работах, вышедших в 70—80-х годах, были сформулированы многие идеи и положения, которые выдержали проверку временем и активно используются в процессе поиска ответов на поставленные нынешней журналистской практикой вопросы⁴. Однако в настоящее время необходимо осуществить переход от тщательного изучения отдельных сторон и аспектов журналистского мышления к формированию целостной теории, системно воспроизводящей этот сложный и противоречивый объект. Создание такой теории требует координации усилий многих специалистов, согласования подходов и используемой терминологии.

В данной статье предпринята попытка реализовать один из возможных вариантов анализа журналистского мышления и тенденций его развития. Высказанные здесь положения носят дискуссионный характер. Автор надеется, что их обсуждение позволит не только уточнить исходные принципы анализа журналистского мышления, но и дать журналистам-практикам теоретически выверенные ориентиры перестройки профессионального мышления.

¹ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.

² См.: Улыбин К. А. Современное экономическое мышление. М., 1986; Бueva Л. П. Человеческий фактор: новое мышление и новое действие. М., 1988; Алтухов В. Л., Шаповалов В. Ф. О перестройке мышления: философско-методологические аспекты. М., 1988; Мера всех перемен. Диалоги о новом мышлении. М., 1988; Филатов В. П. Новое мышление и общественный динамизм//Вопросы философии. 1988. № 2 и др.

³ Братся за дело без промедления и основательно//Журналист. 1988. № 8; Средства массовой информации в формировании нового мышления. Л., 1989.

⁴ См., например: Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики. М., 1971; Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1973; Ученова В. В. Творческие горизонты журналистики. М., 1976; Пронин Е. И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М., 1981; Горохов В. М. Слагаемые мастерства. М., 1982; Прохоров Е. П. Искусство публицистики. М., 1984 и др.

Концептуальная схема, предлагаемая для анализа процессов, происходящих в системе журналистского мышления, может быть сформулирована следующим образом. Мышление, если отвлечься от многих других его характеристик, есть процесс идеального решения реальных практических задач, стоящих перед субъектом. Другими словами, мышление есть особая форма деятельности. Рассмотрение мышления как особой идеальной деятельности имеет следствием мысль о том, что мышление связано не только с познанием. Мышление моделирует все действия человека — и познавательные, и проективные, и коммуникативные — во всех сферах его жизнедеятельности. Не случайно в последние годы ученые все чаще говорят о существовании таких видов мышления, как художественное, конструкторское, музыкальное и т. д.⁵

Как и любая деятельность, мышление может осуществляться только в том случае, если в распоряжении субъекта есть комплекс средств мыслительной деятельности и он владеет способами, приемами оперирования этими средствами. Комплекс формируемых на основе мировоззрения средств мыслительной деятельности обычно обозначается понятием «картина мира», совокупность известных субъекту приемов использования этих средств именуется логикой (если речь идет о познавательной деятельности) или эвристикой (если речь идет о творческой, проективной деятельности). Определенным образом взаимосвязанные картина мира и логика (эвристика) в разных источниках обозначаются такими понятиями, как «тип», «стиль», «парадигма мышления»⁶.

Картина мира представляет собой высшую степень систематизации имеющихся в сознании журналиста содержательных представлений о действительности во всех ее проявлениях. Другими словами, картина мира выступает как целостная, опирающаяся на мировоззренческие представления, концептуальная модель мира в единстве его сущностных и явленческих сторон. Она определяет, что журналист видит в действительности, какие взаимосвязи между явлениями представляются ему существенными, а какие случайными; обеспечивает структуризацию и систематизацию разнообразных впечатлений, сведений о реальном мире. «Толчки, идущие из среды, преобразуются в сознании по его собственным законам и в соответствии с той картиной мира, которая в нем заложена, преобразуются подчас до неузнаваемости»⁷.

Картина мира журналиста строится из понятий и образов. В зависимости от того, какие элементы преобладают, говорят о понятийном (концептуальном) или образном (художественном) мышлении. Иногда выделяют понятийно-образное мышление, в котором, по мнению некоторых исследователей, понятия и образы сплавлены настолько прочно, что говорить о преобладании каких-либо из элементов неправомерно.

Картина мира журналиста всегда ценностно окрашена. Оценки различных явлений действительности — экономических, политических, нравственных, эстетических и т. д. — опираются на сопоставление этих явлений с теми эталонами, которые заложены в журналистской кар-

---

⁵ Новикова Л. И. Эстетика и техника: альтернатива или интеграция. М., 1976; Диалектика и актуальные проблемы теории познания. Севастополь, 1982; Шинкарук В. И., Орлова Т. И. Художественное мышление в системе видов мыслительной деятельности//Вопросы философии. 1984. № 3 и др.

⁶ Следует подчеркнуть, что систематизация понятий и терминов, используемых при описании мышления, является в настоящее время актуальной научной проблемой.

⁷ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология//Вопросы философии. 1988. № 1. С. 63.

тине мира. При этом содержание самих представлений, включенных в картину мира, может в большей или меньшей степени соответствовать достигнутому обществом уровню: полностью соответствовать, обогнать или отставать.

Существует несколько источников, из которых журналист черпает свои представления, аккумулируемые в картине мира. Один из них — обыденное сознание, важной составной частью которого является социальная мифология. Другой источник — элементарная наука, представленная в учебниках, справочниках и популярных изданиях. Третий — «высокая» наука, доступ к которой имеют очень немногие. Разумеется, влияние этих источников различно, роль каждого из них определяется стечением многих обстоятельств. Нам важно подчеркнуть, что в результате взаимодействия журналиста с названными выше компонентами общественного сознания в его внутреннем мире формируется своеобразная, противоречивая картина внешнего мира.

Именно тип содержательных представлений, входящих в картину мира, имеют в виду, когда говорят о современном или устаревшем, консервативном или прогрессивном, научном или утопическом мышлении. Так, характеризуя новое политическое мышление в международных отношениях, Э. А. Шеварднадзе указал в своем интервью американскому журналу «Тайм», что оно «основывается на нескольких принципах:

— приоритете общечеловеческих ценностей над любыми другими: национальными, классовыми, идеологическими;

— балансе интересов как способе нахождения общечеловеческого знаменателя во взаимоотношениях государств;

— свободе выбора как важнейшего права, вытекающего из идеи суверенного равенства народов.

Новое мышление опирается на представление о глобальном и наднациональном характере большинства нынешних проблем — в области безопасности, экономики и развития, экологии, прав человека и личности.

В практическом смысле оно означает отказ от применения силы в международных делах, опору на политические средства обеспечения безопасности, отказ от конфронтации в пользу сотрудничества и взаимодействия, деидеологизацию межгосударственных отношений, признание всеобщего и универсального характера прав человека и международных стандартов в гуманитарной сфере»⁸.

Следовательно, журналисту-международнику приходится отказываться от таких укоренившихся десятилетиями представлений, согласно которым насилие является «повивальной бабкой» прогресса, война есть продолжение политики иными средствами, мирное сосуществование есть форма классовой борьбы, классовые ценности пролетариата выше общечеловеческих и т. п.

Для консервативно мыслящего журналиста, пишущего на экономические темы, основной ценностью является объем производства, поскольку он убежден в абсолютном доминировании самого производства над всеми другими сферами человеческой жизни. И, несмотря на все призывы к овладению новым экономическим мышлением, во многих журналистских публикациях по-прежнему господствуют тонны выплавленной стали, гектары убранный пшеницы, километры проложенных коммуникаций и т. д.⁹ Напротив, журналист, овладевший новым эко-

⁸ Ответы Э. А. Шеварднадзе на вопросы журнала «Тайм» // Известия. 1989. 8 мая.

⁹ Стойкость этих представлений обусловлена тем, что содержательные компоненты журналистского мышления самым непосредственным образом связаны с особенностями эпохи. Поскольку мышление многих журналистов старшего поколения склады-

номическим мышлением, опирается на представления о том, что измерителем хозяйственной деятельности является не промежуточный, а конечный продукт, выражающийся в удовлетворении потребностей народа. Новое экономическое мышление требует от журналистов рассматривать работника не как элемент производственной системы (рабочая сила, трудовые ресурсы, человеческий фактор и т. п.), а как ее основу.

Особый интерес вызывают в настоящее время разнообразные утопические представления, включенные в журналистскую картину мира. Характеризуя бытующие сегодня формы утопического мышления, И. Кон выделяет в качестве основных, во-первых, утопический коммунизм, бесосновательно присвоивший себе титул научного и уверявший всех и каждого, что общественная собственность на средства производства автоматически обеспечит людям рост материального благосостояния, социальное равенство и прочие блага; во-вторых, это бюрократически-техническая утопия, по которой беспечальное будущее всем нам обеспечит наука: то ли кибернетика, то ли физика, то ли социология, то ли они, вместе взятые; в-третьих, традиционалистская утопия, согласно которой все пойдет как по маслу, если восстановить то, что было когда-то порушено, и вернуться к историческим истокам народного бытия¹⁰.

Большую роль в настоящее время играют такие элементы журналистской картины мира, которые связаны с фундаментальными представлениями о сущности журналистики. Можно выделить по крайней мере два типа таких представлений и соответственно два типа профессионального мышления: технократическое и гуманитарное. Существенными чертами технократического мышления являются примат средства над целью, частной цели над смыслом и общечеловеческими интересами, символа над бытием и реальностями современного мира, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Важной особенностью так понимаемого технократического мышления можно считать взгляд на человека как на обучаемый, программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна не только самостоятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельности¹¹.

Это наглядно проявляется в мышлении тех журналистов, которые рассматривают читателя, зрителя, слушателя как объект воздействия. Технократ от журналистики искренне считает, что задача журналиста заключается в том, «...чтобы на научной основе эффективно воздействовать на формирование индивидуальной системы ценностей и норм в сознании каждого телезрителя, радиослушателя, читателя, добиваясь оптимального ее соответствия ценностно-нормативной системе, утвердившейся в обществе, и тем самым предопределить образ жизни и ха-

---

валось в то время, когда основные усилия были сосредоточены на преодолении последствий разрушений, вызванных войной, создании мощного производственного потенциала, постольку складывавшаяся в их сознании картина мира включала в свой состав казавшиеся естественными и нормальными представления о хроническом дефиците, несбалансированности экономики, необходимости жертвовать социальными и культурными потребностями индивида в пользу решения общегосударственных экономических задач и т. п.

¹⁰ Сопротивление//Журналист. 1987. № 9. С. 17.

¹¹ См.: Зинченко В. П. Человеческий интеллект и технократическое мышление//Коммунист. 1988. № 3. С. 98.

раक्टर практической деятельности личности, отвечающие как общественным, так и личным нуждам советского человека»¹².

Гуманитарное мышление в сфере журналистики проявляется в том, что его сторонник принципиально не согласен с рассмотрением человека как объекта воздействия, а процесса массовой коммуникации как целенаправленного воздействия на его сознание. С гуманитарной точки зрения коммуникация, в том числе и массовая, есть процесс, направленный на воспроизводство и развитие человеческой сущности всех его участников. Читатель, зритель, слушатель с этих позиций представляет собой не просто «информационную емкость», заполняемую искусным коммуникатором-пропагандистом, преодолевающим разнообразные барьеры. Потребитель журналистской информации рассматривается как суверенная личность, обращающаяся к созданному журналистом тексту с целью найти в нем какие-то человеческие способности и качества, присвоение которых позволит этой личности расширить свои человеческие возможности¹³.

Характеризуя логико-эвристический комплекс журналистского мышления, следует указать, что он представляет собой совокупность устойчивых, привычных «схем мышления», приемов осуществления мыслительных операций, разнообразных эталсонов объяснения, идеалов доказательности, критериев обоснованности высказываний и т. д. Все эти элементы профессионального мышления, действующие на протяжении десятков лет, могут полностью уходить из сферы «контроля сознанием», превращаться в профессиональные стереотипы.

Говоря о «схемах мышления», уместно напомнить известное высказывание В. И. Ленина о том, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»¹⁴. Разумеется, журналистскому мышлению, как и любому другому (инженерному, педагогическому, юридическому и др.), присущи универсальные, логические характеристики (принципы, законы), следование которым составляет обязательное условие правильности и эффективности мышления. Вместе с тем универсальные законы логики не исчерпывают особенности различных типов мышления. Так, анализируя национально-культурную специфику логики рассуждений, Г. Гачев указывает, что в отличие от западной модели логики силлогизма: «это есть то-то» («Сократ есть человек») для русской логики характерна формула: «Не то, а... — что?». Например: «Нет, я не Байрон, я другой»; «Не то, что мните вы, природа»; не Наполеон, а Кутузов — пафос «Войны и мира»; «Не Запад, а мы» — импульс мысли Достоевского, славянофилов¹⁵.

Задачу логического анализа журналистского мышления, который должен выявить совокупность логических средств, наиболее характерных для интеллектуальной деятельности журналиста, еще предстоит решать. С точки зрения особенностей логико-эвристического комплекса обычно выделяют две основные формы мышления: дискурсивное (рационально-логическое) и интуитивное. Логическое мышление исполь-

¹² Халилов А. А. Пропаганда ценностей советского образа жизни в телевизионной публицистике//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 1986. № 5. С. 4.

¹³ Разумеется, технократическое и гуманитарное мышление в их чистой форме есть продукт абстракции. Реально в картине мира большинства журналистов технократические и гуманитарные представления сплетаются в противоречивое единство. Более подробно о соотношении технократического и гуманитарного мышления см.: Дзялошинский И. М. Еще раз о технократическом подходе//Слово лектора. 1988. № 5. С. 3—4.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 198.

¹⁵ Человечество — многогранность Земли//Лит. газета. 1988. № 52.

зует такие приемы, методики, стандарты рассуждений, которые можно обосновать, описать и применять разными людьми в различных ситуациях. Кроме того, рационально-логическое мышление характеризуется тем, что отдельные его этапы отчетливо представлены сознанию и в каждый данный момент журналист может дать ответ на вопрос, о чем и что он думает. Мышление в этом случае принимает форму стройного рассуждения от общего к частному или последовательного анализа от частного к общему.

В интуитивном мышлении отсутствуют четко определенные этапы. Основная специфика интуитивных эвристик — свернутость всех мыслительных процессов, скачкообразность, быстрота, неконтролируемость переходов от одного умозаключения к другому. Поскольку журналистская деятельность обычно протекает в условиях высокой неопределенности, большого количества разнообразных факторов, влияющих на состояние анализируемой ситуации, постольку интуитивное мышление является не только часто используемой, но в определенных случаях и господствующей формой интеллектуальной деятельности журналиста.

Что касается источников, из которых журналист черпает «схемы мышления», то современная наука указывает на три принципиально разных способа мышления, отличающихся друг от друга отношением к противоречию: мифологию, формальную и диалектическую логику. Мифологическое мышление игнорирует противоречия, формально-логическое стремится к примирению или уничтожению противоречий, диалектическое — к выявлению реальных противоречий, рассматриваемых в качестве движущей силы любых явлений. Все эти три способа мышления сосуществуют с давних времен. В различные периоды истории на передний план выдвигается то один, то другой, но ни один из них не исчезает бесследно¹⁶.

Таким образом, мышление одного субъекта (индивида, группы, социальной общности) может отличаться от мышления другого субъекта не только своими динамическими (процессуальными) характеристиками, но либо картиной мира, либо логикой (эвристикой), либо и картиной мира и логикой одновременно. Именно в последнем случае можно утверждать, что данные субъекты обладают разным типом мышления.

Если построить матрицу, где по вертикали будут представлены три типа картин мира, а по горизонтали — три типа логико-эвристических комплексов, то получится девять вариантов, из которых три можно рассматривать в качестве основных типов журналистского мышления. Это мифологическое мышление, использующее мифологическую картину мира и мифологический, т. е. безразличный к противоречию, логико-эвристический комплекс. Это метафизическое мышление, соединяющее представления элементарной науки с формально-логическими схемами мышления. Это диалектико-материалистическое мышление, опирающееся на представления высокой науки и использующее в качестве логико-эвристического комплекса материалистическую диалектику.

¹⁶ О соотношении их см.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930; Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930; Леви-Стросс К. Структура мифов//Вопросы философии. 1970. № 7; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976; Стеблин-Каменский М. И. Миф. М., 1976; Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978; Аверинцев С. С. Неоплатонизм перед лицом платоновской критики мифопоэтического мышления//Платон и его эпоха. М., 1979; Лифшиц М. А. Мифология древняя и современная. М., 1980; Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982; Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987; Гулыга А. В. Принципы эстетики. М., 1987; Элиаде М. Космос и история. М., 1987; Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988; и др.

Разумеется, обнаружить в журналистской практике эти три типа мышления в их чистом виде довольно сложно. Это своеобразные пределы, векторы трехмерного пространства, в рамках которого каждый журналист определяет основные параметры своего мыслительного процесса, тяготея к одному из этих пределов.

Так, для мифологически ориентированного журналистского мышления характерна искренняя вера в объективное существование того, что на самом деле существует лишь в воображении (индивидуальном или коллективном). «Мы долгие годы жили в окружении мифов, — говорит известный публицист. — Утверждали, что «план — закон», но в действительности он никогда законом не был. Говорили: у нас нет наемного труда, — но и тут миф, поскольку человек не может воспринимать себя хозяином, когда все за него решают другие. Еще миф: общегосударственная собственность якобы порождает в человеке высшее «собственническое чувство», в силу которого он готов беречь и приумножать национальное добро. Все мы знаем, как долго держался миф о «пережитках капитализма в сознании людей», хотя речь шла о последствиях наших собственных упущений. А хозрасчет? Ему посвящались лекции, о нем писали монографии, но никогда его у нас не было, нет и по сей день»¹⁷.

Выступая на «открытой трибуне» международного кинофестиваля в Карловых Варах, кинокритик А. Плахов подчеркнул, что в советском обществе идет сегодня процесс демифизации, переоценки мифов, которые возникли при социализме. Вот лишь некоторые из названных им мифов. «Это — утопическое представление о храме социальной гармонии, в котором все будет равны в общем счастье. Это идея о труде как творчестве и о творчестве как о безграничном блаженстве. Это идея о том, что свободное время — всегда благо для человека.

Одним из самых устойчивых и опасных мифов было обожествление государства, которое подменило общество. С этим мифом были связаны и архаичные общественные ритуалы, обретшие окончательные формы в период сталинизма. Это, наконец, миф Сталина, который и сегодня имеет восторженных приверженцев»¹⁸.

Перечень мифов, к созданию, распространению и упрочению которых приложили руку советские журналисты (впрочем, не только они), можно продолжить. И, очевидно, задача их описания, систематизации и осмысления должна быть кем-то поставлена и решена. Здесь же важно указать, что журналисты чаще всего выступали не как хладнокровные манипуляторы общественным сознанием, сознательно насаждавшие социальные мифы, а как люди, действительно верившие в то, чего на самом деле никогда не было.

Другой важной особенностью мифологического мышления, на которую, кстати сказать, указал и А. Плахов, является неодолимое тяготение к ритуалу, превращение в обряд любого социально значимого действия. Яркий пример такого мышления содержится в интервью, которое дал журналу «Журналист» Н. Н. Месяцев, руководивший в 60-е годы Государственным комитетом по радиовещанию и телевидению. Вот лишь один фрагмент беседы.

«Радио и телевидение помогали людям ощущать себя частицей большой советской семьи. Сошлюсь на один лишь пример: создание первого всесоюзного радиотелевизионного ритуала «Минута молчания»

¹⁷ Из выступления А. Левикова на заседании за «круглым столом» «Экономика на перекутке»//Лит. газета. 1987. № 23.

¹⁸ В поисках общего языка//Демократический журналист. 1988. № 12. С. 20.

к 20-летию Победы. Передача рождалась в моем кабинете. Мы выстроили не только концепцию «Минуты молчания», но в спорах оттачивали каждую фразу, каждое слово. Создавали, если хотите, нечто вроде молитвы по павшим и во здравие живых, завоевавших Победу...

Была у нас и другая задумка. К 50-летию Великой Октябрьской революции создали сценарий еще одного всесоюзного радиотелевизионного ритуала. На наш взгляд, радиотелевизионное действо с участием всех советских людей (никого не должно забыть — ни старого, ни больного, ни одинокого) могло, пусть на несколько часов, сплотить людей, соединить их одной биографией, одной памятью о своей причастности к судьбе Родины, к судьбе революции, к истории, настоящему и будущему Отечества»¹⁹.

Вряд ли здесь нужны пространные комментарии. Нет никаких оснований сомневаться в искренности и честности людей, мысливших подобным образом. Однако возникновение таких идей в условиях, когда миллионы людей только-только вернулись из лагерей, где они по ложному доносу, а то и просто из-за абсурдности существовавшей системы провели лучшие годы своей жизни, можно объяснить только полным игнорированием реальной действительности, каким-то особым складом мышления, которое мы и называем мифологическим.

Дело, разумеется, не в личностях и не в примерах. Дело в том, что в течение многих десятилетий практика наших средств массовой информации опиралась не на логику общественной целесообразности, а на логику верноподданнических ритуалов. Парадность, показуха, благодарственные или самохвальные речи, нетерпимость к иному мнению, апелляция к символам, давно потерявшим какое бы то ни было жизненное содержание, — вот практика журналистского мифомышления.

Есть и другие признаки, по которым журналистское мифомышление можно отличить от других типов профессионального мышления. Можно указать на стремление к символической интерпретации всего, что происходит в реальной действительности. Если за нарушениями технологии видят вредительство, происки внешних или внутренних врагов, за своевременной сдачей в эксплуатацию больницы или санатория — проявление высокой заботы партии и правительства о здоровье трудящихся, за переводом несколько плохо работавших хозяйств на аренду — победу ленинского кооперативного плана, — перед нами носители мифологического мышления.

Более глубокое изучение этого типа мышления позволит, по-видимому, выявить и другие его характерные особенности.

Можно выделить две группы факторов, взаимодействие которых воспроизводит мифологическое мышление в условиях, когда большинство журналистов имеют высшее, а иногда и два высших образования. Прежде всего речь идет о социальных факторах, которые связаны с господством административно-бюрократической системы управления. Авторитарно-директивный тип организации общественной жизни во все времена тяготеет к мифологии.

Вторая группа факторов обусловлена — как это ни парадоксально — невежеством, лишь маскируемым дипломом о высшем образовании, которое — и это ни для кого не секрет — зачастую само носит мифологический характер. Ограниченный доступ к социальной информации, пренебрежительное отношение ко всем концепциям и точкам зрения, не согласующимся с теми, которые объявлены единственно

---

¹⁹ В годы культпросвета//Журналист. 1989. № 1. С. 36.

верными, — все это мифологизирует мышление не только отдельных людей, но и больших групп населения, целых поколений.

Другой тип мышления, широко распространенный в современной советской журналистике, обозначается как метафизический. Ему свойственно стремление все разделять, обособлять и противопоставлять. Метафизик не выносит противоречия. Для него «вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности»²⁰.

Молодой журналист пишет, что незачем гнаться за показным единодушием, так как в действительности полного единства взглядов по всем жизненным вопросам нет и быть не может, а если оно есть, значит, речь идет либо о лицемерии, либо о недомыслии. Понятен благородный пафос автора, однако ход его мысли «либо — либо» из арсенала метафизического мышления.

Другой журналист, излагая в материале о юных проститутках свое мнение о причинах этого явления, абсолютно уверен в том, что все упирается в «гипертрофированное половое чувство», которое не сумели обуздать ни школа, ни родители. И это еще одна характерная особенность метафизического мышления, которому свойственно также стремление к упрощению сложных взаимодействий между рассматриваемыми явлениями. Если же ситуация с трудом поддается упрощению, сторонник метафизического мышления прибегает к селективному, выборочному анализу определенных аспектов, фрагментов, сторон действительности. Поскольку при таком подходе всегда остаются незатронутыми другие важные связи объектов, появляется возможность для разработки альтернативной концепции, возникает предмет для полемики, дискуссии, которые, естественно, тут же и начинаются.

Важной особенностью метафизического мышления является существование априорных представлений о нормальном, естественном состоянии действительности. Впитавший эти исторически ограниченные стандарты рациональности журналист считает нормальными и естественными в общественном развитии или индивидуальном поведении только такие действия, явления и поступки, которые оправдывают его ожидания. То, что не укладывается в привычные схемы понимания, рассматривается как аномалия. Герой романа А. Битова «Пушкинский Дом» Модест Одевцев так характеризует мышление своего внука Левы: «Для тебя не существует ни фактов, ни действительности, ни реальности — одни представления о них. Ты просто не подозреваешь о том, что существует жизнь!.. Вот ведь с тобой и говорить-то по-человечески нельзя, потому что у тебя заранее есть представление о том, что тебе должны сказать, и отношение к этому представлению, — тебе и обидно, что они не совпали... Необъясненный мир приводит тебя в панику, которую ты принимаешь за душевное страдание, свойственное тонко чувствующему человеку; объяснить, я вижу, ты еще ничего не в состоянии; тогда единственный для тебя выход... — иметь объяснение происшедшему раньше, чем оно произошло, то есть видеть из мира лишь то, что подходит твоему преждевременному объяснению...»²¹.

Из этой незыблемости мыслительных схем вытекают пренебрежение к действительности, уверенность в том, что ее можно произвольно трактовать и воспроизводить. Если журналист позволяет себе исказить

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 21.

²¹ Битов А. Пушкинский Дом//Новый мир. 1987. № 10. С. 42.

отвечает интересам тех, кто не заинтересован в развитии, кого лично устраивает привычный и удобный статус-кво, кто не хочет или не может ответить на вызовы времени, новые явления в жизни...»²⁴

Разумеется, и в этих условиях были журналисты, которые стремились исследовать социальные процессы во всей их сложности и многомерности. Одним из таких журналистов, в творчестве которого ярко отражается диалектическое мышление, является В. Селюнин. Он умеет не просто обнаружить противоречие, выступающее источником развития анализируемых ситуаций, но и найти ему действительное разрешение на основе конкретного и всестороннего рассмотрения самой действительности²⁵.

Таким образом, можно констатировать, что журналистское мышление формируется в пространстве, ограниченном векторами названных выше трех типов мышления — мифологического, метафизического и диалектического. Каждая эпоха, каждая профессия, формируют мышление людей, создавая особую, характерную только для этой эпохи, только для этой профессии, целостность категориального аппарата, основополагающих логических и эвристических принципов и приемов, не зависящих от индивидуальных особенностей человека. В связи с этим закономерно возникает вопрос о направлении изменений в журналистском мышлении, обусловленном возникновением новых профессиональных задач и формированием новых социокультурных отношений в обществе.

Есть основания для вывода о том, что нынешняя ситуация в журналистике свидетельствует не просто о борьбе нового со старым, а о фундаментальном повороте журналистского мышления от мифологизированных и метафизически-ориентированных способов интеллектуальной деятельности к диалектике и системному анализу. В настоящее время отчетливо просматривается расширение сферы действия научного, творческого, гуманитарного мышления, которое теснит утопическое, технократическое, догматическое мышление.

Радикализм нынешней перестройки журналистского мышления заключается в признании необходимости постоянного обновления мыслительного (как концептуального, так и эвристического) аппарата журналиста. Другими словами, признано, что новое журналистское мышление связано не просто с заменой одних представлений другими, а с ориентацией на постоянное обновление «картины мира» и непрерывное обогащение логико-эвристического комплекса.

Основным фактором, инициирующим и стимулирующим перестройку журналистского мышления, является демократизация интеллектуальной жизни общества в целом и профессиональной журналистской среды, обеспечивающая признание права каждого человека самостоятельно мыслить и поощряющая эту самостоятельность как важную социальную ценность²⁶.

Проведенный нами опрос журналистов, в ходе которого выяснялись их представления о критериях профессионального мастерства и качествах, необходимых современному журналисту, показал, что восемь из десяти молодых советских журналистов включали в свои списки такое качество, как «оригинальность и гибкость мышления, самостоятельность и независимость в выводах и суждениях». Среди сотрудников

²⁴ Перестройка и общественное сознание//Правда. 1987. 10 апр.

²⁵ См., например: Селюнин В. Истоки//Новый мир. 1988. № 6.

²⁶ См.: Филатов В. П. Новое мышление и общественный динамизм//Вопросы философии. 1988. № 2. С. 19.

региональных отделений ТАСС, людей в основном среднего возраста, это качество называлось двумя из десяти. Среди сотрудников районных газет Омской и Кировской областей лишь один из 14—15 человек рассматривал оригинальность мышления и самостоятельность в выводах как профессионально ценное качество.

Здесь не место давать подробный анализ результатов этого исследования, но существенная разница в значимости такого критерия профессионального мастерства, как мера оригинальности мышления для журналистов из центральных и сотрудников периферийных средств массовой информации, представляется весьма симптоматичной.

Говоря о динамике профессионального журналистского мышления, следует иметь в виду высокий уровень инерционности профессиональной культуры, в рамках которой только и может формироваться профессиональное мышление. Поэтому обновление профессионального мышления журналистов предполагает не только и не столько эффективную деятельность различных форм повышения квалификации и переподготовки кадров. Главный шаг на пути смены привычных стандартов и стереотипов профессиональной мысли связан с формированием и внедрением в практику принципиально новой концепции функционирования средств массовой информации, концепции, опирающейся на принцип гласности, без которой невозможно создание современно организованного информационного общества.

Поступила в редакцию
31.05.89